

Город Драконов
Книга седьмая

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

Елена Звездная
Город драконов. Книга седьмая
Серия «Город Драконов», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68935236

SelfPub; 2023

Аннотация

Я стала знаменитостью. Первая женщина-маг, обладающая столь выдающейся невосприимчивостью к драконьей магии. Воспитанница самого профессора Стентона, посвятившего жизнь трудам во благо империи и противостоянию с лжебастардом лордом Карио. Девушка, ощутившая биение сердца похороненного заживо императора и сумевшая спасти его практически ценой собственной жизни, и, не без поддержки драконов, чья значимость в империи мгновенно повысилась. Это была официальная версия. Неофициальная являлась кардинально иной.

Елена Звездная

Город драконов.

Книга седьмая

Город Драконов

Книга седьмая, заключительная

Я стояла на пороге массивного двухэтажного здания, сжимая ладонь и не решаясь постучать в дверь.

Позади находился фамильный экипаж Арнелов, черный с золотыми витиеватыми символами рода, запряженный четверкой вороных скакунов, коими управлял довольный своими новыми полномочиями мистер Илнер – он стал главным конюшим богатейшего драконьего семейства. В темном нутре экипажа меня ожидали мистер Уоллан, Бетси и миссис Макстон. Мистер Оннер стоял на три шага позади меня, весьма ответственно приняв на себя роль моего телохранителя, коей его удостоил лорд Арнел. А в моем ридикюле хранились утренние газеты последних дней.

Я стала знаменитостью.

Первая женщина-маг, обладающая столь выдающейся невосприимчивостью к драконьей магии. Воспитанница самого профессора Стентона, посвятившего жизнь трудам во благо империи и противостоянию с лжебастардом лордом

Карио. Девушка, ощутившая биение сердца похороненного заживо императора и сумевшая спасти его практически целой собственной жизни, и, не без поддержки драконов, чья значимость в империи мгновенно повысилась.

Это была официальная версия.

Среди неофициальных значилась крайне тревожащая и не только меня – «Прекрасная невинная дева спасла императора! Женится ли Эдуард Четвертый на своей спасительнице?». Люди жаждали чуда. Снимки императора, стоящего на коленях перед могилой своей любимой супруги и их нерожденного ребенка тронули сердце каждого. И теперь как никогда империи нужен был наследник и сильный вновь окрыленный любовью правитель, а я... Я оказалась весьма привлекательна на черно-белых снимках, ко всему прочему получила титул едва ли не спасительницы империи. И один Господь ведает, чем все это могло бы закончиться, если бы не лорд Давернетти. Именно с его коварной подачи была стерта пыль с исследований по поводу взаимосвязи между высшим образованием и бесплодностью, и народ прекратил требовать мгновенного осчастливливания мною императора. Ибо любовь любовью, а наследник империи был действительно необходим.

Судя по сообщениям от старшего следователя, а наше общение теперь могло проходить едва ли не на любых расстояниях, у Эдуарда Четвертого был выбор – либо согласиться с тем, что у очень образованной девушки проблемы с мате-

ринством, либо случайно погибнуть, и в этот раз уже навсегда.

«Никогда Адриана таким не видел», – честно признался мне лорд Давернетти.

Но именно лорд Арнел и прекратил муссирование слухов о «любви невинной девы к похороненному заживо императору, которая и смогла благодаря этой самой любви помочь возлюбленному вырваться из заточения». Мои конспекты не прошли даром для дракона, он изучил механизмы управления общественным мнением и нанес удар фактами. Все мои научные работы, выполненные в период обучения, мои высокие баллы (не высокие не предавались огласке), мои достижения, коих я добилась, невзирая на весьма низкий уровень магии, а шесть единиц это действительно ниже среднего – стали достоянием общественности. Истории из моего учебного прошлого, научная деятельность как ассистента профессора Стентона, рассказы оборотней и моих сокурсников – так же. И менее чем за месяц в обществе сложилось четкое представление обо мне, как о профессиональном ученом, упорном, одаренном, рассудительном, как об ученице, превзошедшей своего наставника и посвятившей более шести лет жизни исключительно науке.

Так что теперь я обладала весьма сомнительной репутацией настоящего синего чулка, которую портил всего один момент – информацию о нашей помолвке лорд Арнел так же сделал достоянием общественности. И после этого в обще-

стве начались брожения на тему: «Но если дева бесплодна, зачем же она драконам?».

«Неувязочка вышла», – охарактеризовал случившееся лорд Давернетти.

«Увеличил количество твоей охраны втрое, – сообщил Адриан».

Мы едва ли обменялись и словом после случившегося. Лорд Арнел так и не простил мне проявленного своеволия, а потому ныне мы все проживали в поместье Арнелов, без права возвращения в дом профессора Стентона, потому как Адриан прямо сообщил: «Сожгу этот рассадник свободомыслия ко всем чертям!». И мы всем составом, в который включили и миссис МакАверт решили не рисковать. Но мистер Уоллан и мистер Илнер начали вывозить мебель и ценные вещи из дома, так на всякий случай.

– Мы можем приехать в другой раз, – отвлек меня от тяжелых мыслей мистер Оннер.

Но я и так долго ждала. Очень долго. После инфаркта, случившегося у мистера Илнера, я уже представляла, какую опасность может нанести подобная травма, и потому терпеливо ждала разрешения от доктора Энью. Час назад доктор прислал мне записку с сообщением, что мой батюшка чувствует себя вполне сносно и определенно идет на поправку, а потому доктор советует прервать терзающее всех ожидание.

– Мисс Ваерти, мы действительно можем еще, к примеру, прогуляться к недавно сожженной в очередной раз мэрии

Рейнхолла и вернуться обратно, — скрывая усмешку, предложил мистер Оннер.

Отрицательно покачав головой, я судорожно достала из ридикюля свой диплом. Затем поверх него уложила научные работы. Даже дипломную. Затем все вырезки из газет.

Когда-то давно, когда родители вычеркнули меня из своей жизни, а я по наивности решила что они совершили подобное по собственной воле, я мечтала доказать, что я достойная дочь. Я мечтала, что стану известным ученым. Что обо мне будут писать в газетах. Что мои труды будут изучать в университетах. Что я... я чего-то стою, даже не выйдя замуж за Жоржа Доннела. Что родители простят меня за тот выбор, который я совершила вопреки их воле.

Рука, затянутая в черную замшевую перчатку, коснулась окованной железом двери, так и не воспользовавшись колотушкой, что позволила бы мне обозначить свое присутствие. Я... не смогла. Ладонь прижалась к холодной поверхности мореного дерева, и осталась в этом положении.

И в этот миг меня обняли.

Галантно, весьма любезно, подчеркнуто почтительно, и невероятно нежно.

— Увы, я не Кристиан, и не умею делать вид, что мне безразлично мнение кого бы то ни было. Так же не могу поручиться, что мой характер способен вызвать чье-либо одобрение, но, ради тебя, я взял несколько уроков.

Я не сдержала облегченного вздоха, обнаружив лорда Ар-

нела рядом, но его последние слова крайне насторожили.

– Надеюсь, вы брали уроки не у лорда Давернетти?

– Дорогая, – дракон с улыбкой взглянул на меня, – а кому еще помимо него, я мог бы признаться в том, что несколько робею от перспективы встречи с родителями моей возлюбленной?

И прежде чем я успела сделать хоть что-то, лорд Арнел, лишив меня всей тщательно собранной документации, решительно распахнул дверь, за коей, к моему ужасу обнаружилась моя матушка. Совершенно бледная, растерянная и, боюсь, простоявшая по эту сторону преграды не менее моего, а я около получаса собиралась с силами, матушка смотрела на меня в молчании, которое было ничем иным, как проявлением сильного эмоционального истощения.

В шаге от нее стоял мой батюшка, взволнованный, изрядно побледневший, и пребывающий в не меньшем замешательстве, чем мама.

«Нужно было брать с собой Кристиана», – досадливо сообщил мне лорд Арнел.

А затем... повел себя истинно в духе невыносимого старшего следователя.

– Миссис Ваерти, очарован еще с нашей предыдущей встречи. Мистер Ваерти, держите. Диплом, научные работы, газетные вырезки, а так же...

И лорд Арнел извлек папку, которую держал под рукой, чтобы распахнув ее, добавить к стопке документов с трудом

удерживаемых моим отцом, еще и:

– Награда «За выдающийся вклад» от Императорской Академии Наук. Награда «За спасение жизни» от его императорского величества. И, самое выдающееся, свидетельство о принятии леди Анабель Арнел в Золотой Союз Выдающихся ученых империи.

На этом отец едва не обронил все полученное, а матушка дрожащим голосом переспросила:

– Лледи Анабель Арнел?

– Ах да, – и показательно обняв меня, дракон стянул с моей левой руки перчатку, демонстрируя мое обручальное кольцо, все так же прикованное золотой цепочкой к браслету. – Я сделал предложение руки и сердца вашей дочери. Как видите, выбора у нее особо не было. У вас его тоже нет.

И вопрос заданный мне лично:

«Я справился?»

Никогда не думала, что я это скажу, но:

– Нужно было брать с собой Кристиана!

Лорд Арнел улыбнулся мне с таким подчеркнутым обожанием во взгляде, что не сложно было догадаться, что следует далее.

– Анабель, любовь моя, я понимаю твои чувства, но мне действительно несколько сложно сдержаться в ситуации, когда МОЯ любимая девушка, весь день притворно-обессиле-но пьющая чай в своей комнате, сбегает из МОЕГО дома, пробирается на окраину столицы, и воскрешает императора,

даже не поставив меня в известность о собственных планах! Воистину, я не появлялся столько времени лишь по одной причине – искренне опасался, что придушу тебя собственными руками!

Воистину, меня порадовало лишь одно – мои руки были свободны!

И непримиримо сложив их на груди, я развернулась к Адриану, сбросив его ладонь с моего плеча, и, да простит меня Господь, высказала:

– Я не собиралась никого воскрешать, это грех. Но мне требовались ответы на вопросы, Адриан. И я пришла за ними.

– Миледи, – глаза дракона полыхнули яростью, – некромантия не меньший грех, нежели воскрешение. Однако в данный момент мы обсуждаем вовсе не церковный взгляд на некоторые аспекты вашего поведения, а само ваше поведение! Ты хотя бы частично осознаешь, насколько близка была к гибели?!

И все это в присутствии моих родителей. Я ощутила, как полыхнули побагровевшие щеки, но вместо смущения, испытала совершенно противоположное чувство – да я была в ярости!

– Видите ли, лорд Арнел, я оказалась в крайне непростой ситуации. С одной стороны мое чувство справедливости требовало предания огласке всех преступлений герцога Карио, с другой этому препятствовало отчетливое понимание того,

к чему приведет жажда справедливости. Но когда вы сообщили о гибели мисс Таккарии Стивенсон и том чудовищном способе, коим была обеспечена неприкосновенность ее могилы, я не могла не провести параллель с захоронением Эдуарда Четвертого. Дальнейшие измышления по данному поводу привели к ясному пониманию – никто из участников заговоров, а их, групп заговорщиков, в целом насчитывалось не менее пяти, не приступал к воплощению своего злого умысла до гибели императорской четы. А значит, становилось совершенно очевидным, что Его Величество обладал знаниями или информацией о чем-то, что не позволило бы в принципе реализовать чудовищные планы заговорщиков. И да – он не был мертв. Но, раз уж мы коснулись данной темы, то позвольте спросить – кто же был захоронен в императорской усыпальнице на глубине шести футов?

Лорд Арнел на мгновение опустил голову, но затем посмотрел на меня и напряженно произнес:

– Вильгельм Дайрел.

Я пошатнулась, и дракон, проявив пугающую скорость движений, присущую его народу, придержал меня, обняв за плечи.

– Прости, – игнорируя все правила приличия, и осторожно обнимая меня, произнес Адриан. – Мне не хотелось, сообщать тебе об этом. Но человек, которого мы принимали как императора Вильгельма, оказался бастардом императора. Карио же, вовсе не имеет никакого отношения к импе-

раторской семье. Этот план они разработали вместе – Каррио и Самуэль Даргас. Убийство императора и императрицы, и идея захоронения в захоронении принадлежала так же им. Мы, драконы и оборотни, не ощутили подвоха по причине того, что на нормальной глубине погребения находился представитель императорской крови – мы чувствуем подобное. То, что копать в прямом смысле слова нужно глубже никто даже не мог себе представить. И да, в конечном итоге ты оказалась права – возвращение на престол императора Эдуарда фактически разрубило гордиев узел, обрушив планы, как магов старой школы, так и всех прочих, причастных к заговору по устроению для империи масштабной междоусобной бойни. Но, в данный момент, ситуация все еще остается крайне напряженной – Эдуарду необходим наследник, особенно ввиду того, что его сын так же оказался убит. А так как ты, любовь моя, обладаешь уникальным даром влюблять себя с первого взгляда даже полутрупы, то Железная Гора в настоящий момент находится в прямой конфронтации с Эдуардом Четвертым. Но я скорее сожгу его заживо, чем отдам тебя.

Вот она легендарная драконья прямолинейность.

– Что-нибудь еще? – неловко высвобождаясь из его объятий, спросила я.

Лорд Арнел определенно не слишком желал продолжения беседы на данную тему, однако, явственно лишь из-за расположения ко мне, сообщил:

– Твое предположение оказалось верным, причем практически абсолютно во всем. Эдуард Четвертый действительно обладает ответами на большинство вопросов, коими мы задавались с момента убийств в Вестернадане, а так же – он оказался прекрасно осведомлен о заповедях наших предков, в частности о напутствии по поводу избегания императорской семьи. К слову – именно Эдуард сделал все, чтобы драконы чувствовали себя в столице буквально как дома. Догадываешься почему?

Я догадалась.

– У него четырнадцатый уровень силы, при двенадцати максимально возможных для человека, – прошептала, не испытывая никакой радости по поводу открывшейся мне истины.

Дракон никак не стал комментировать данный момент и лишь любезно осведомился:

– Еще вопросы есть?

И тут моя матушка произнесла:

– Да, имеется, по крайней мере один. Вы не подскажете, по какой причине уже в которой раз за эти дни сгорает мэрия Рэинхола?

Широко улыбнувшись, Адриан галантно произнес:

– Миссис Ваерти, должен признать, у вас с дочерью так много общего.

Но это была моя мать, и отговорками сбить ее с пути было не так уж и просто.

– Однако вы не ответили, – констатировала она.

Что ж, лорд Арнел, явно мысленно вновь признав наше семейное сходство, учтиво сообщил:

– Видите ли, миссис Ваерти, это вынужденная мера, предпринимая мной по причине того, что ваша дочь все еще не разобралась в своих чувствах, и я не уверен, что она действительно отказалась от идеи сочетаться браком в мэрии Рейнхола с другим джентльменом.

Но на этом представление было завершено.

Развернув меня к себе, Адриан ласково коснулся моей щеки, и произнес:

– Я вынужден вернуться в столицу. Каковы бы ни были мои чувства к императору Эдуарду, сейчас именно он гарант мира для всей страны и мы вынуждены приложить все силы к его охране. Кристиан находится возле него неотступно, а Карио и Самуэль Даргас все еще в розыске. Но, не смотря ни на что, к полуночи я постараюсь вернуться. Ты восстановилась?

Я кивнула.

– Ночь будет трудной, – с нескрываемым сожалением, предупредил дракон.

– Я справлюсь, – улыбнувшись, заверила его.

Взгляд в мои глаза, едва заметная нежная улыбка на его губах и совет:

– Проведи время с родителями. Я отправлю миссис Макстон и остальных в ближайшую ресторацию, и вы сможете

присоединиться к ним, если появится подобное желание. Но все же – проведи время с родителями, вы ждали этого слишком долго. Люблю тебя.

А затем церемонный поклон моей матери, склоненная голова в сторону моего отца, легкое касание пальцами моего подбородка, и лорд Арнел нас покинул, чтобы едва сойдя по ступеням, взмыться в небо огромным черным драконом.

Порыв ветра всколыхнул юбки моего платья, и невероятным образом захлопнул дверь.

В следующий миг все награды, статьи, научные работы и свидетельства моих достижений полетели на пол, как ненужная шелуха, а я попала в крепкие родительские объятия людей, для которых были совершенно не важны регалии и награды, для которых важна была только я.

Удивительно, но с самого момента моего прибытия в Город Драконов еще никогда мне не доводилось проливать столько слез. Мои родители, мои чудесные родители, корили исключительно себя за все, что произошло. Себя и только себя. Мне не досталось ни единого упрека.

Отец сидел по левую сторону от меня и не выпуская моей руки, с трудом старался сдержать слезы. Виски, полный стакан коего он налил для себя, так и остался нетронутым, словно папа боялся отпустить мою ладонь хоть на мгновение. А матушка сидела справа, так же не отпуская моей руки с самого начала своей чудовищной исповеди. Бракосочетание

без благословения родственников как со стороны отца, так и со стороны моей матери им, влюбленным и счастливым, казалось чем-то совершенно незначительным и ненужным, но отзвенели свадебные колокола, прошел год, второй... десять лет, а в доме так и не раздалось детского смеха. И желание моей матери прижать к груди собственного ребенка стало почти наваждением. За эти годы и отец и мама сумели восстановить отношения с родственниками. Отец, бывший вторым и потому не наследующим звание лорда сыном, выплатил долги старшего брата и тем самым заслужил признания и возвращения в семью... кто бы знал, чем все это обернется. Матушка же, начала проходить лечение в клинике «Остирн», той самой, что спустя несколько лет будет фигурировать в деле о продаже детей и детских фермах Фанни Делакура. И лечение дало результат, матушка забеременела, а спустя положенный срок родилась я – чудесный здоровый ребенок, с мамиными глазами и характером, и отцовскими упрямством, настойчивостью и чувством врожденной справедливости.

Для моих родителей я была самым большим счастьем на свете. И чудом, в которое они никак не могли поверить.

– О, Бель, сколько ночей мы провели с твоим папенькой у твоей колыбельки, не в силах уйти, и оставить тебя на попечительство нянюшки, как того требовали устои приличного общества! – матушка не скрывала слез, я же не могла их сдержать с самого начала, и вероятно по причине того, что

мне уже было известно, что впереди наше безоблачное счастье ожидала трагедия.

То самое торжество, на коем произошло чудовищное столкновение с Барти Уотторном, являлось свадьбой моего кузена. А мое вмешательство было обусловлено тем, что, в отличие от остальных благовоспитанных леди, я была дочерью отца, который воспитал меня на историях о справедливости чести, достоинства и правды. Итогом было сокрушительное чувство вины, обрушившееся на моих родителей. Ведь семейством Уотторн обманута была не только я, маме и отцу предоставили всю картину в еще более мрачных красках, нежели ее помнила я, дитя девяти лет отроду. Отец получил отчет от врача, в котором значилось, что еще несколько миллиметров правее и Бартоломео Уотторн был бы мертв. Каково было моему папеньке получить доказательства того, что его дитя едва не стало убийцей – мне сложно представить.

Но вот чего я никак и никоим образом не могла представить, так это того, что в момент бесчинств Барти рядом не оказалось абсолютно никого, притом, что о препаршивом характере юноши было известно всем.

– Бель, – мама поднесла мою руку щеке, прижалась лицом, словно не веря, что я действительно рядом, – милая, может чаю?

Я отрицательно покачала головой, и заставила себя сказать правду:

– Вас обманули. Как и меня. Спустя годы, когда юный герцог Клеймор в качестве возмездия за все, что пришлось вынести и ему и мне, вызвал на дуэль Бартоломео Уотторна, выяснилось, что врачебное освидетельствование было фальшивым, никаких травм Барти не получил, и даже его левый глаз – был зрячим до того самого момента, как герцог Клеймор не пустил пулю прямо в него.

После этих слов мой отец встал, прошел к столу и махом выпил весь свой стакан с виски. Затем налил еще добрую половину, подошел и протянул моей матери. Никогда бы не подумала, что она способна пить что-либо кроме разведенного вина или же легкого пунша, но мама выпила все до дна, одним глотком.

– Я не виню вас ни за что, – слезы текли по моим щекам, не прекращаясь, и мне было совестно за эту слабость, ведь я понимала какую боль причиняю этой несдержанностью своим родителям. – Вы поступили так, как должны были. Я...

– Твои шрамы, Бель, – матушку сотрясали рыдания, и алкоголь ничуть не помог, – твои вечно покрытые шрамами ладони... Я никогда не смогу простить себе этого.

Папа молчал, но он остался стоять, словно отныне считал себя не вправе прикасаться ко мне вовсе. Я подняла голову и посмотрела на него, отчетливо понимая его мотивы и его боль. Отец практически не изменился за эти годы, а проведя в доме с крепким камнем-основанием столько дней, существенно поправил здоровье, но его потерянный взгляд, его

бледное лицо сильного, нестигаемого мужчины, прошедшего военную службу, сумевшего построить весьма доходное предприятие, снискавшего уважение и достаток, существенно больший, нежели ему мог предоставить титул... Ныне так мало осталось от того человека, каким он был до того чудовищного происшествия с Барти Уотторном.

– Папа, – я позвала его, чувствуя, что слез на моих щеках меньше не стало, все было хуже, их становилось лишь больше, словно прорвало плотину, что долгие годы сдерживала все мои эмоции. – Папа...

Мне хотелось сказать «не уходи», «не отворачивайся», «не бросай меня», но во мне не было сил выговорить этого. Я понимала, что этой чудовищной правдой причинила своим родителям больше боли, чем они были способны выдержать. И я готова была замолчать и молчать хоть всю свою жизнь, только бы папа не стоял с таким потерянным выражением лица, а в его глазах не было столько боли.

– Твои награды и ученые степени, их стоило бы поднять, – нарочито спокойно произнес отец, но его опущенный взгляд вынуждал еще острее осознать всю глубину пережитого горя.

Стремительно поднявшись, я схватила его холодные руки, и прижав к груди, с чувством высказала:

– Они не имеют значения, папа! Единственным моим желанием было доказать, что я хорошая дочь и сгладить хоть немного того горя, что принесла вам! Я знаю, что не оправдала ваших надежд и сделала вас глубоко несчастными, но

Я...

– О, Бель! – и отец обнял меня, не сдерживая рыданий. – Моя маленькая Бель, как же горько осознавать, профессор Стентон был прав – лучшее, что мы могли сделать для тебя после всех бед и боли что тебе причинили, это исчезнуть из твоей жизни.

И на этом мои слезы высохли мгновенно.

– Что? – переспросила я, мягко отстранившись от папы.

Отец вглядывался несколько мгновений в мои глаза, а затем лицо его изменилось, выдавая невероятное смятение, и он спросил:

– Бель, но разве это не было твоим желанием?

Отшатнувшись, я рухнула на диван и мама, потянувшись за колокольчиком, дабы вызвать прислугу и как минимум предложить мне чай. О, волшебный и чудодейственный чай! Дочка, тебе плохо, грустно, одолевает тоска или гнетут тревожные мысли? Чашечка горячего чаю непременно все исправит! Всенепременно исправит.

– Мама, я не хочу чай, – выдохнула, ощущая, что Бетси слишком сильно стянула мой корсет и мне воистину нечем дышать. – Папа, это не было моим желанием!

И как бы мне не хотелось прекратить эту тему или вовсе изгладить случившееся из собственной памяти, я все же сочла нужным, высказать все как есть:

– Никогда, ни при каких обстоятельствах я не отказалась бы от вас! Никогда! Напротив, узнав о вашем решении, я

столько раз приходила к твоей фабрике, папа! Я часами стояла на мостовой, в надежде увидеть хотя бы твой силуэт, но ты... ты задерживал гардины на окнах.

Отец пошатнулся.

Я же, вновь заливаясь слезами, продолжила:

– Столько раз я приходила домой, но передо мной всегда захлопывали двери. Раз за разом! Год за годом! Мама, я пыталась, невероятное количество раз пыталась встретиться с тобой, но ты переходила на другую сторону дороги при виде меня, а я...

Я судорожно вытерла слезы и сжимая ладони, выпалила:

– Долгие годы я испытывала чувство вины перед Жоржем Донеллом за то, что потеряла его обручальное кольцо и не вернула ему его после расторжения помолвки. Лишь спустя шесть лет я узнала, что это самое кольцо профессор Стентон заставил Жоржа проглотить. В буквальном смысле данного выражения. А после, с видом самым искренним и сопереживающим дракон помогал мне искать это «потерянное» кольцо. Пожалуй, это наиболее наглядный пример лицемерия профессора Стентона, как, впрочем, и его возможностей. Вся прислуга в доме Стентона была не в силах уведомить меня о том, насколько беспочвенными являются мои страдания, ведь профессор нередко пользовался запрещенными законом заклинаниями, как, впрочем, и ментальной магией. Я не виню вас ни в чем, и никогда не винила. Мне было больно и тяжело, безумно больно и бесконечно тяжело,

но... учитывая все произошедшее, я обвинила бы профессора лишь в тех страданиях, что он причинил вам. Все что касается меня – он поступил совершенно верно, мне практически не в чем его упрекнуть.

Отец прошел к нам и тяжело опустился на диван.

Мама дрожащими ладонями комкала давно мокрый насквозь носовой платок. И все же именно мама, с трудом сдерживая гнев, задала вопрос:

– Не в чем его упрекнуть? – а затем, не скрывая гнева, добавила: – Ты уверена в этом?!

Закрыв лицо, я несколько мгновений сидела, собираясь с силами, а затем начала рассказывать. О том, чему обучал меня профессор. О моей невосприимчивости к драконьей магии. О смерти Стентона. О его наследстве, которое стало смертным приговором в том случае, если я в скорейшем времени не выйду замуж за дракона из предоставленного наставником списка. Об многочисленных убийствах в Вестернадане. О заговоре герцога Карио. О заговоре драконниц, коих по сути было два – один возглавляла старая леди Арнел, второй леди Беллатрикс Стентон-Арнел. О заговоре сознательных граждан Города Драконов, в который входили свахи и архивариусы, а так же некоторые доктора. О заговоре дочерей герцога Карио, жестокой Лауре Энсан, пробудившей Зверя для воплощения в действительность плана ее отца по пробуждению дракона в лорде Арнеле, об эгоистичном поступке Елизаветы Энсан-Карио, приведшей к пробуждению

второго Зверя и гибели самой Елизаветы. О продаже детей. О заговоре магов старой школы, одна из которых умудрилась стать императрицей, а вторая некоторое время служила самому профессору Стентону. О детях драконов, которых удалось спасти в столице. О том, что гибель императора Эдуарда была вовсе не случайностью, а неудавшимся покушением. О том, что его похоронили заживо, и скрыли этот факт захоронением его официального сына Вильгельма Дайрела.

Папа несколько раз вставал, в волнении ходя из угла в угол комнаты, после принес плед для меня и мамы, затем чай, остывший по причине того, что никакой прислуги в доме не было, как оказалось, лорд Арнел выставил всех, так что остывший чай подогревала я, магией. Мне было несложно, а родители были потрясены тем, как легко я управляюсь с неведомым.

– Как же ты распутала все это? – едва я завершила, спросил папа.

– С трудом, – не стала скрывать я. – С упорством и решимостью, что достались мне от тебя, папа. С готовностью бороться за свое до конца, которое досталось мне от тебя, мама.

И впервые за этот долгий полный болезненных воспоминаний вечер, в наших сердцах потеплело. Я улыбнулась родителям, движением руки зажгла огонь в камине, затем так же легко все светильники.

– Бель, это... невероятно! – воскликнула мама, которая еще помнила, как на первом курсе я с огромным трудом и по-

сле неистовых усилий могла лишь заставить загореться всего одну свечу.

– Это не моя магия, – была вынуждена признаться я. – Лорд Арнел, – я несколько сконфуженно пожала плечами, – не умеет производить впечатления с первого знакомства.

– Как, впрочем, и со второго, – с негодованием заметила мама.

Я улыбнулась, не став сообщать, что с третьего знакомства лорд Арнел имеет привычку одаривать насильственными поцелуями, а после негодовать по поводу приступа тошноты им вызванного, но у этого дракона, помимо некоторых недостатков, имелись и несомненные достоинства.

– Именно лорд Арнел в свое время помог юному герцогу Клеймору в одиннадцать лет вызвать на дуэль Барти Уотторна. Адриан оказался достаточно чутким и небезучастным, чтобы выслушать просьбу гордого мальчика и помочь ему. Его друг, лорд Давернетти, который не умеет произвести приятного впечатления даже с двадцатой встречи, навел справки и выяснил, что Барти Уотторн вовсе не слеп на левый глаз. Адриан учел это при тренировках герцога Клеймора. Итог вам известен.

– Барти Уотторн был застрелен за несколько дней до заключения вашей помолвки, – вспомнил папа.

– В день похорон Уотторна герцог Клеймор прислал мне рождественскую открытку со словами "И пусть более ни одно Рождество не огорчит вас", – призналась я.

Дальнейших слов не потребовалось.

– Замечательный юноша, – произнес отец, но в этой фразе отчетливо прозвучало «он сумел сделать то, на что не решился я».

Что ж, я перешла к железным аргументам.

– Если бы профессор Стентон не обучил меня, и не погиб, стремясь сохранить факт моих навыков и знаний, герцог Карио захватил бы власть над драконами и направил бы мощь крылатого народа на уничтожение человечества. Я не знаю, мог ли ты, папа, что-либо изменить в моей судьбе, но существует большая вероятность того, что как миссис Жорж Доннер я погибла бы в течение этого года, и скорбеть обо мне было бы совершенно некому.

– По причине? – спросила мама.

– По причине того, что скорбеть было бы некому в самом прямом смысле данного выражения. Никого из нас, наших близких и знакомых не осталось бы в живых.

И это была та чудовищная правда, познать и осознать которую оказалось невероятно тяжело.

– О, Бель! – потрясенно выдохнула мама.

– Анабель, – прервал ее папа, – несмотря ни на что, и невзирая на ситуацию, как твой отец я должен знать точно – твое согласие на брак с лордом Арнелом является добровольным, или же это вынужденная мера?

Пребывая в объятиях мамы, и чувствуя себя столь морально опустошенной этим открывшим чудовищные страда-

ния моих родителей разговором, я хотела было ответить, как вдруг жуткая черная пелена накатила, вырывая из уюта родительского присутствия и убежденности в том, что все беды остались позади.

Именно в этот момент я ощутила опасность!

– Кристиан!

Почти ослепленная, я вскочила с дивана, столь теплого, роняя пледы и падая следом на холодный пол, чтобы позвать уже с применением всех своих возможностей.

«КРИСТИАН!!!»

«Бель, соскучилась, малыш?» – невозмутимо и несколько иронично поинтересовался старший следователь.

– Да к дьяволу ваши шутки, Давернетти! Где-то возле вас Зверь только что активировал «Gehénnam»!

И я отчетливо увидела, как в кабинете императора подскочил с кресла, роняя вечернюю газету, главный полицейский Города Драконов. Напротив него поднял голову от бумаг усталый и измотанный последними событиями император Эдуард Четвертый. Несколько его секретарей в черной жесткой униформе так же обратили внимание на странное поведение дракона.

Но весь ужас был в том, что ни я, ни Давернетти не обладали способностью уничтожения заклинания адского пламени. И как в кошмарном сне я увидела медленно проступающие в метре над головой императора призрачно огненные часы, начавшие отсчитывать последние секунды до активации.

«Черт, Бель»... – растерянно выдохнул Кристиан.

И у меня не оставалось другого выбора.

– *Rigescuntindutae!*

И адское пламя, несомненно, уничтожившее бы императора в течение последующих нескольких секунд, полыхнуло, переливаясь мощью, и застыло все теми же призрачными часами, вот только на сей раз эти часы были в несколько раз больше тех, с помощью коих Лаура Энсан некогда пыталась уничтожить сваху миссис Томпсон.

«Бель... Дьявол, Бель, держись!» – простонал лорд Давернетти, стремительно обращаясь в дракона.

– Я... держусь. Никто не должен увидеть, Кристиан, никто!

Потому что я весьма четко осознала, по какой причине против императора обратили именно «*Gehénnam*». Опасность была не только в заклинании, в свое время меня привела в ужас та легкость, с которой лорд Арнел уничтожил адское пламя – ему хватило касания. Всего лишь касания. «*Gehénnam*» же не способен даже лишь ослабить император Эдуард, и это при наличии у него неимоверного четырнадцатого уровня силы.

Синее сияние охватило меня, срываясь с каждой каплей крови, и падающей на пол, словно горящий спирт. Я ощущала попытки мамы докричаться до меня, ощущала волнение отца, но всеми мыслями находилась сейчас не здесь.

«*Gehénnam*» – мог уничтожить императора Эдуарда.

«Gehénnam» – мог придать огласке истинный уровень силы лорда Арнела, а для драконов это станет приговором.

Но «Gehénnam» так же мог убить меня, а без моих знаний драконов вместо трансформации могла ожидать мутация, с которой в свое время столкнулся лорд Бастуа.

Один удар способный поразить сразу три цели! Великолепный расчет!

О, Зверь, мои овации!

И вдруг я поняла, что что-то идет не так. Я отчетливо видела суету, возникшую в кабинете императора, лорда Давернетти, обратившегося в дракона и пытающегося уволочь самого Эдуарда, который, используя всю свою магию, пытался защитить от огня несомненно важные и значимые документы, но... Каким же образом тогда я вижу чудовищные прозрачные часы застывшего «Gehénnam»?

И тут меня оглушил рев Давернетти:

– Гордан, соберись!

Господь милосердный, кажется, я все поняла!

Кто-то вышиб входную дверь в дом, следом послышались быстрые шаги, и меня подхватили на руки, резко прикрикнув:

– Миссис Макстон, причитать будете позже, но если у вас есть лишние силы, сходите... сделайте чай, что ли!

– Мистер Нарелл, катитесь к дьяволу, прошу прощения, миссис Ваерти, – гордо высказалась моя домоправительница. И тут же воскликнула: – Куда вы тащите мисс Ваерти, маг

вы безголовый?

– Боевой, – огрызнулся профессор Наруа. – Я боевой маг, а не безголовый.

И он устремился к единственному месту, способному сейчас оказать мне помощь. Я ощущала скрип открываемой в подвал двери так, как никогда не ощутил бы человек, быстрые спуск вниз, а профессор практически бежал, и его брошенную моему отцу фразу:

– Никакого плета, мистер Ваерти, это сейчас не поможет. Мистер Оннер, ведро воды.

И меня бережно уложили, а затем перевернули набок, не позволяя захлебнуться собственной кровью.

– Мисс Ваерти, – маг осторожно отвел мокрые волосы с моего лба, открывая лицо, – Анабель, что я могу сделать?

Я пыталась дышать, не вдыхая льющуюся кровь, в моих широко распахнутых глазах отражались огромные огненно-призрачные часы в главном кабинете императорского дворца, а в висках пульсировала одна и та же фраза «Память крови»!

– Как... вы... узнали...

– Вы светитесь, – оборвал мои попытки задать вопрос профессор Наруа. – Сияете так, что было бы видно даже белым днем, потому как сияние вырывалось из всех окон. Анабель, давайте без проволочек, что я могу сделать?

Связь с лордом Давернетти практически не ощущалась, я не знала, где сейчас Адриан, но я могла контролировать Зве-

ря. Того Зверя, который ныне управлял лордом Себастианом Горданом, и вовсе не удивительно, что часы отмеряющие последние секунды адского пламени оказались столь огромны в размере – у дракона магических сил все же имелось больше, нежели у Зверя. И этим воспользовались.

Что ж, теперь наступила моя очередь.

– «Gehénnam», – прошептала я, продолжая удерживать остановившее его «Rigescuntindutae», – нам нужно уничтожить «Gehénnam».

Наруа выругался. Столь забористо, что уже вовсе не ахнувшая миссис Макстон, а возмущенный мистер Уоллан потребовал:

– Держите себя в руках!

– Катитесь к дьяволу! – пожелал ему профессор боевой магии, и обратился ко мне: – Анабель, до столицы четыре часа лету, лорд Арнел вылетел пять часов назад. Сейчас он либо в столице, либо в часе от нее, возвращаясь сюда. Что бы ни произошло, там лорд Давернетти и, вызывающий мое огромное доверие лорд Гордан. Я не...

Я прервала его хриплым:

– Зверь контролирует Гордана. Память крови...будь она проклята эта Память крови! Нужно уничтожить «Gehénnam».

Маг стиснул мою руку, ругаясь сквозь зубы, но для него, как и для меня стало совершенно очевидно – заклинание адского пламени, созданное драконом с уровнем превыша-

ющим сто сорок единиц магизмерителя, практически самоубийство.

– Варианты? – хрипло спросил Наруа.

– Я не продержу «Rigescuntindutae» в течение часа, – и это было ужасающей правдой.

Профессор на миг прижал мою ладонь к губам, затем приказал:

– Миссис Макстон, чай. Мне. Крепкий до черноты. Мистер Оннер, еще воды. Мистер Ваерти, уведите жену, магия старой школы под запретом в империи, вас могут привлечь за соучастие.

– Только нас? – не скрывая гнева, спросил папа.

– Не только, но остальным терять уже нечего. Бетсалин, свечи. Мистер Илнер, черный уголь. Мистер Уоллан, приготовьте ваше славное ружье, если я начну терять человеческие черты – пристрелите не теряя ни секунды.

Ответом ему было потрясенное молчание, но Наруа уже полностью погрузился в процесс.

– Лорд Гордан погибнет, Анабель. Смиритесь с этим фактом. Кто бы ни заставил его создать «Gehénnam», это должно было опустошить резерв дракона практически полностью. Когда мы приступим к делу, заклинание начнет отдавать вложенные в него силы, наша цель – не позволить Зверю перехватить энергию.

Я сдержала судорожный вздох, не воспротивилась ни в чем. Были бы силы, разразилась бы овациями Зверю, кото-

рый и четвертый способ использования «Gehénnam» продумал – идеальный способ перекачать резерв из лорда Гордана в собственно самого Зверя. Это чудовище даже в случае поражения, то есть уничтожения заклинания лордом Арнелом, планировало получить выгоду. И от понимания происходящего, меня охватил гнев.

– Никакой злости, – потребовал Наруа, – никаких эмоций, никаких чувств. Однажды ваша восхитительная миссис Макстон назвала меня «бесчувственной сволочью», и она была совершенно права, Анабель, основа могущества магии старой школы, это уничтожение в себе всех чувств и подавление любых эмоций. Мне сейчас придется отказаться от своей любви, первой за всю мою долгую жизнь, вам от своей. Повторяйте за мной каждое слово. Начинаем на выдохе.

Я знала, что заклинания подобные «Gehénnam» не уничтожают, это слишком опасно, поэтому их методично, последовательно и выверено ослабляют, вливая энергию в механические накопители. И для подобных манипуляций не достаточно одного мага – требуются как минимум трое на подступах и не менее шести распределяющих потоки. Я же была одна.

«Не одна, – и согревающая магия лорда Арнела окутала, возвращая силы, – я с тобой. Ослабление «Gehénnam» убьет как Гордана, так и Наруа, о чем Наруа прекрасно известно, но длительное общение с тобой приводит к тому, что стремление к самопожертвованию становится заразным. Держи

«Rigescuntindutae». Около сорока минут. Если не сможешь – отпускаяй, я справлюсь с последствиями, людей уже увели на безопасное расстояние, там Кристиан и мощь камня-основания городского особняка Арнелов. Мы выдержим любой удар, Анабель».

Я не была способна ответить, но ощутила, как улыбка коснулась моих губ, и прошептала.

– Профессор, держим «Rigescuntindutae».

– Мисс Ваерти, подобное самопожертвование не может быть оправдано никакими мотивами! – возмутился маг.

– Весьма забавно слышать подобное из уст того, кто собирался погибнуть, расплетая со мной «Gehénnam», и во все не счел нужным уведомить меня о решении, принятом в отношении собственной участи. «Rigescuntindutae», профессор Наруа, без вас я не справлюсь и лорд Гордан погибнет.

– Да что б вас! – выругался маг. – На выдохе, четвертый уровень силы, направление удара на три часа... Нет, много. Направление удара на одну минуту, «Infrigidando tactus». Давай, девочка, ты сможешь.

Я не смогла.

Моих сил не хватало. Магия Адриана окутывала и поддерживала меня, но не позволяла иссушить себя, препятствуя моим попыткам с упорством дракона, удерживающего свое. И у меня оставались всего две возможности – использовать силу профессора Наруа, но я опасалась причинить ему вред, или же... Себастиан показал мне этот путь всего один раз,

теперь мне оставалось надеяться лишь на то, что это знание поможет мне сохранить его жизнь... А так же императорский дворец и весь дворцовый комплекс, от которого ничего не останется, если рванет «Gehénnam» подобного уровня.

– Держите меня за руку, – предупредила профессора Норуа, – если я сожму пальцы, используйте ментальный захват.

Его ответ я уже не услышала, позволяя силе лорда Гордана увлечь меня сбивающим с ног потоком, и испытывая на себе весь тот путь, что уже проделала когда-то. Сначала меня потянуло в горы, не ведаю где они были расположены и подозреваю, что они являлись лишь отражением энергетической реальности, но ощущения соответствовали стремительному подъему на вершину – недостаток кислорода, слабость, дезориентация. И потому, едва я оказалась перед знакомым небольшим, но очень глубоким синим озером, то совсем не сразу разглядела человека, поднявшегося с заснеженного валуна при моем появлении.

Мужчина был весьма высок, абсолютно безразличен к холоду, темноволос, затянут в великолепный сшитый по нему костюм и... весьма мне знаком.

– Мисс Ваерти, – произнес он, галантно склонив голову.

– Герцог Карио, ваша светлость, – я так же проявила максимальную вежливость.

– Я знал, что вы появитесь, – с абсолютным спокойствием произнес Ржавый дракон.

Я едва ли могла ответить тем же.

– Мисс Ваерти, – вновь протянул мое имя этот страшный человек, – я право не знаю, каким образом вам удалось предотвратить то, на что были затрачены годы. Вам практически удалось остановить смену власти и гибель человечества. Восхищен. Воистину восхищен. Вы не обладаете ни красотой, ни коварством моих дочерей, и все же именно вы...превзошли их всех. Мои орации, Анабель.

Мне совершенно не нравился его тон, как и расточаемые столь щедро комплименты. Герцог Карио являлся не той персоной, что станет терять понапрасну время и слова, а потому вся эта беседа, несомненно, имела какую-то цель. Но не могла понять какую.

– Знаете, – делая шаг ко мне, продолжил герцог Карио, – у меня были собственные счета с профессором Стентоном. Когда-то давно мы оба любили одну женщину.

И еще шаг по направлению в мою сторону, я с трудом сдержала желание броситься прочь, и мой порыв был весьма оправдан – я знала, что Карио убивал даже собственных дочерей, так что было глупо надеяться на его милосердие по отношению ко мне, лишь потому что я девушка.

– Леди Алисент Арнел, – с мечтательной томностью в голосе произнес герцог. – Прекрасная леди Алисент – она была самым ярким цветком рода Арнелов, самым чарующим, самым восхитительным, самым желанным. В тот день, когда я впервые увидел ее, юную девушку пятнадцати лет, мчашуюся на вороном коне навстречу ветру – моя жизнь перевер-

нулась. За одно ее «да» я готов был постелить к ее ногам весь мир, но... Свое «да» она сказала дракону. Ничтожно-му, очкастому, вечно сутулому юнцу, который о тычинках и пестиках мог говорить существенно дольше, нежели о любви... Какой безумный позор, сколь безжалостное разочарование. Ничто и никогда, до вашего спонтанного появления, не причиняло мне столь чудовищной боли. И вот представьте себе мое изумление, когда стало известно, что юный лорд Стентон не только отказался от брака с леди Алисент Арнел, но и вовсе покинул Железную гору. Тот, кто любил больше жизни, внезапно оставляет возлюбленную и покидает свой дом... Странно, не находите?

Что ж, на это я высказала лишь:

– Мне известна несколько иная интерпретация тех событий.

– Позволю себе предположить, что в вашей версии событий именно брак не допустила старая леди Арнел, не так ли?

И снова шаг.

Я едва удержалась от использования защитной магии и лишь по одной причине – все мои силы сейчас шли на удержание «*Rigescuntindutae*», и я не могла позволить себе забыть об этом.

– Вам солгали, – проникновенно глядя мне в глаза, произнес герцог Карио, немыслимым образом, даже не совершивший и шага, но оказавшийся еще ближе. – Решение принял Стентон. И я потратил немало времени на то, чтобы выве-

дать о причинах, побудивших его на подобное.

Судорожно припоминая все то, что рассказывал мне лорд Гордан, я внезапно очень четко осознала, что произошло. Леди Алисент любила профессора, и что-то мне подсказывает, что любила искренне, а значит... не собиралась захватывать контроль над магическим ресурсом возлюбленного, и тем более отдавать магический резерв профессора своей матери. Леди Арнел явно была взбешена подобным неповиновением дочери, и решила надавить на второго из влюбленных. Но я бы сильно удивилась, если бы профессор согласился на подобные условия. Он был слишком принципиален. Насколько я его знала, для него гораздо более естественным было бы отказаться от помолвки и покинуть Город драконов... что он собственно, похоже, и сделал.

– Я вижу, вам известно, в чем суть произошедшего, – проявил проницательность герцог Карио. – Вы удивительная девушка, мисс Анабель, вы узнали ответ менее чем за три месяца, я же потратил на разгадку четырнадцать лет. Мои овалции.

И он распрямился, взирая на меня со смесью абсолютной ненависти, и в то же время своеобразного восхищения. Так смотрят на врага, достойного врага, но который уже повержен и обречен на гибель.

– Знаете, – медленно произнес герцог, – все ведь могло быть иначе. И я никак не могу отделаться от этой мысли... Все могло быть совершенно иначе, если бы в тот день я об-

ратил внимание на вас.

— О каком из дней вы соизволите говорить? — настороженно спросила я, делая осторожный шаг назад.

Герцог странно прищурился, на его губах промелькнула странная улыбка, и тихим, вкрадчивым голосом лорд Карио произнес:

— День нашей встречи, мисс Ваерти, — кривая жестокая усмешка. — Вы были очаровательны, должен признать. Тоненькая талия, гибкие движения, изысканные черты лица, очаровательные синие бесконечно наивные глаза. Я считал вас очаровательным цветком, коей ожидает пребанальнейшая участь невесты, жены и почтенной мамы в конце концов. Из пяти студентов университета, обладающих иммунитетом к магии драконов, вы казались самой бесперспективной. Но вы изменились.

Что ж, я не могла не отметить:

— Как, впрочем, и вы.

Герцог вскинул подбородок, взирая на меня свысока, но было бы ошибкой полагать, что он стремился продемонстрировать свое превосходство. Напротив, его светлость в данный момент испытал нечто явственно ему непривычное — настороженность и нервозность.

— Что вы имеете ввиду? — вопрос, заданный любезно-светским тоном, более подходящим для беседы на светском рауте.

Я могла бы ответить кратко, но мне необходимо было

удерживать «Rigescuntindutae», а потому я перешла к наиболее пространному изложению своих умозаключений, на которое только была способна.

— В тот день, в университете магических наук, — я окинула его светлость внимательным взглядом, — вы были несколько ниже ростом, обладали существенно более изысканными манерами, каждое ваше движение казалось отточенным и грациозным, ваш голос звучал тихо, но его слышали. Ныне же я назвала бы вас скорее гротескным, нежели величественным. Вы изменились, ваша светлость, и это не осталось незамеченным, не так ли?

Странная усмешка, и герцог принял решение продолжить определенно заинтересовавшую его беседу. Он совершил приглашающий жест, сам прошел к нескольким валунам, дождался пока я проследую к нему и сяду, лишь после галантно сел сам, и, сложив пальцы под подбородком, произнес:

— Продолжайте, мисс Ваерти. Должен признать, вы сумели произвести на меня впечатление.

Разгладив несуществующие складки на несуществующем платье, я приняла самый чопорный вид, коим гордилась бы даже моя гувернантка, та, что был прислана мне семейством Барти Уотторна, подняла взгляд на ожидающего герцога, и начала издалека:

— Вы должны понимать, что у меня есть все основания составить о вас весьма прискорбное мнение.

Карио молча кивнул, побуждая меня продолжить.

Что ж, именно так я и поступила.

– Мне совершенно точно известно, что убийства в Вестернадане были спланированы именно вами.

– Должен признать, весьма любопытно, каким образом вам стало известно об этом? – нарочито спокойно произнес он. – Продолжайте. Скажите всю правду, и вам станет легче, поверьте.

Под его пристальным, фальшиво-искренним взглядом, я лишь села ровнее. Не ведаю, какого мнения обо мне был герцог Карио, но если он полагал, что после его слов, я начну выкладывать все как на духу, словно в исповедальне, то он ошибался. Я не собиралась рассказывать ни о том, каким образом мне стало известно столь многое о его преступлениях, и менее всего я желала бы поведать о встрече с Эмбер Энсан, девушке, которая не желала убивать, лишь потому, что так приказал ее отец. Но, я имела все основания полагать, что именно это ныне интересует герцога. Его план в Вестернадане провалился с треском и теперь Карио отчаянно пытался понять почему.

Мне ответ был известен.

Первым, что пошло не по плану, стал поступок Эмбер, покинувшей Вестернадан еще до первого убийства.

Вторым камнем преткновения стало решение Лауры Энсан прикрыть бегство сестры, вынудившее ее пробудить первого Зверя.

И вот конструкция идеального плана Карио уже зашата-

лась.

Третьим фактором поражения замысла, стали возникшие у Елизаветы Карио-Энсан чувства к лорду Арнелу.

Но о своеобразном предательстве долга и идеалов своей законнорожденной дочери герцог узнал, и решил использовать смерть Елизаветы. Это был неплохой план – самому убить несчастную девушку, а после обвинить в этом лорда Арнела и всех драконов в целом. Причем не просто обвинить, а сделать это в присутствии придворных и императора. Страшно представить, чем все могло бы обернуться, не существуй на свете Ширли Аккинли, третьей незаконнорожденной дочери герцога Карио.

А теперь происходило то, чего я не могла представить себе даже в самом кошмарном из снов – мой разговор лицом к лицу с герцогом. О, вот уж чего я бы желала избежать всеми силами!

Однако сейчас мне необходимо было понять, чего именно желает от меня герцог. Едва ли он ожидал каких-либо фундаментальных сведений о лорде Арнеле, или планах драконов. Я леди, воспитанная как леди, а соответственно по мнению Карио, могу интересоваться лишь делами касающимися преимущественно чувств, девиц, сплетен и прочей, с его точки зрения, ерундой. А значит его интересуют сведения именно о дочерях.

Что ж, если так, то у меня имелось своеобразное преимущество – едва ли герцог станет убивать меня до того, как по-

лучит необходимую информацию.

– Сказать всю правду? – я поднялась, и Карио, как истинный джентльмен, так же мгновенно поднялся.

Обойдя его по широкой дуге, я приблизилась к озеру силы лорда Гордана, присела на самом краю у кромки голубовато-серебристой, словно ртуть, воды, и, стянув перчатку с левой руки, прикоснулась к чистой силе дракона. Мою правую ладонь ныне сжимал профессор Наруа, и это являлось моим своеобразным козырем.

От прикосновения кончиков моих пальцев, все озерцо за-сверкало, подергиваясь усиливающимся сиянием.

– Сила Гордана признает вас как полновластную владелицу. Удивлен, должен признать. Какие отношения связывают вас с лордом Горданом? – несколько нервно поинтересовался герцог Карио.

– Мы помолвлены, – совершенно искренне ответила я.

– Невероятно, – выдохнул герцог, и опустился на валун, в трех шагах от меня. – А вы продолжаете преподносить сюрприз за сюрпризом, мисс Ваерти.

Я вспомнила слова профессора Наруа – «Никакой злости, никаких эмоций, никаких чувств», и ощутила, как меня на-крывает поистине вселенское спокойствие. И направила силу серебристого дракона на удержание «*Rigescuntindutae*». Это было истинно человеческим заклинанием, рассчитанным на мой убогий шестой уровень, и потому поглощение силы лорда Гордана было столь минимальным, что заметить

его было весьма непросто.

Коршун Карио не заметил.

Моя крохотная победа, успех, который нуждался в закреплении.

– Какую правду вы желаете услышать от меня? – отстраненно поинтересовалась у герцога.

И мгновенно ощутила на себе его взгляд, словно впившийся в меня незримыми когтями.

И времена галантных разговоров подошли к концу.

– Вам было известно о замыслах Стентона? – прямо спросил Карио.

– Нет, – это являлось абсолютной правдой.

И почти сразу я ощутила, как своеобразные призрачные когти впиваются в мое сознание. О, Всевышний, я и не ведала, что Карио способен на подобное, но восприятие его впивающегося взгляда, оказалось вовсе не призрачным.

На мгновение мне стало страшно.

Но страх я отпустила так же, как и все прочие эмоции. Совет профессора Наруа оказался весьма кстати.

– Моя дочь, Лаура, вы причастны к ее пленению? – продолжил Карио.

– Да, – я ответила быстрее, чем даже подумала об этом. Ментальная магия!

Я пропустила момент, когда герцог применил ментальную магию!

И я ничего не ведала о том, что это за заклинание, каковы

варианты защиты от подобного воздействия, и... чем все это грозит мне сейчас.

Моим единственным преимуществом стали эмоции Каро. Герцог вскочил, в гневе взирая на меня и сжимая сильные руки в кулаки, пытаясь сдержаться и не отправить меня к праотцам здесь и сейчас.

– Лучшая из моих дочерей! – прорычал он. – Лучшая!

И его гнев, ослабив ментальный захват, позволил мне вставить тихое замечание:

– Но не единственная.

Я ожидала продолжения вспышки ярости, однако мои слова произвели неожиданно успокаивающий эффект, и Карио вновь опустился на валун, приняв весьма непринужденную позу.

– Вы правы, – с усмешкой произнес он, – не единственная. Далеко не единственная. И все же – Лаура была моим сокровищем. Моей гордостью. Забавно, но женившись на старшей из сестер Энсан, я совершил невероятную глупость – по-настоящему сильной оказалась младшая. Сестра моей жены... – странная усмешка исказила его лицо, и Карио продолжил. – Когда я увидел как Ли-ли левитирует лепесток лилии, я ощутил себя последним глупцом. Неудачником. Идиотом. Я выбрал не ту сестру. Глупейший поступок в моей жизни.

Мне оставалось лишь молчать. Сила лорда Гордана текла по моим венам, уходя в сдерживание «Gehénnam», пра-

вой ладонью я ощущала успокаивающее тепло прикосновения профессора Наруа, а все прочие чувства, как впрочем и мнение по поводу абсолютной аморальности герцога, я старалась не воспринимать вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.